Journal of Frontier Studies. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Ethnic Minorities in the Mirror of Government Policy
Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.335

LANGUAGE AND LANGUAGE POLICY OF KOMI-PERMYAKS IN THE 1920-1930S

Mikhail S. Kamenskikh

Perm Federal Research Center of Ural brunch of RussianAcademy of Science | Perm State National Research polytechnic university. Perm, Russia. Email: pomidorrr[at]mail.ru

Abstract

The article is devoted to the particularities of latinization policy of the written Komi Permyaks' language in the 1930s. As some national and foreign researchers think, the processes of Latinization were most challenging for finno-ugric peoples of the USSR; for this reason, the reforms of the written Komi Permyaks' language reflect complex processes of policy both within the language sphere and wider – in the national policy of the USSR.

Based on available sources, many of which have been introduced into scientific use for the first time, the article analyzes the development of native written language of Komi Permyaks in the 1920-30s, the policy of the Komi district committee on implementation of Latin graphs, and estimates the factors that influenced the failure to adopt the Latin alphabet of the Komi-permyak language in paperwork and education system. The author concludes that, for wider popularity of the Latin alphabet for the Komi-permyak language, there were not sufficient conditions (financial, administrative ones, etc.), so the majority of officials and intelligentsia used Russian to communicate. However, further policy of its implementation could have inspired the usage of this alphabet since later a new Komi alphabet based on Cyrillic symbols was actually adopted.

Keywords

Komi-Permyaks; USSR; National Policy; Latinization; Korenizatsia (Nativization); the Komi Alphabet; Ethno-Disperse Groups; the Komi-Permyak District

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Этнические меньшинства в зеркале государственной политики
Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.335

ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА У КОМИ-ПЕРМЯКОВ В 1920-1930-Е ГГ.

Каменских Михаил Сергеевич

Пермский федеральный исследовательский центр Уро РАН | Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия. Email: pomidorrr[at]mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям политики перехода на латинский алфавит в Коми-Пермяцком округе в 1930-е гг. По мнению целого ряда отечественных и зарубежных исследователей, процессы латинизации наиболее сложно происходили у финно-угорских народов СССР, поэтому реформы письменного языка у коми-пермяков отражают сложные процессы политики как в сфере языка, так и, шире, национальной политики в СССР.

В статье на основании имеющихся источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, проанализирована ситуация с развитием родного письменного языка у коми-пермяков в 1920-е – 1930-е гг., политика Коми-Пермяцкого окружного исполнительного комитета по внедрению латинской графики, оценены факторы, повлиявшие на неудачи внедрения в делопроизводство и систему образования латинской графики коми-пермяцкого языка. Автор приходит к выводу, что для широкого распространения латинского алфавита коми-пермяцкого языка не было создано достаточно условий (материальных, административных и др.), значительная часть служащих и интеллигенции использовала русский язык в качестве языка общения. Однако продолжение политики его внедрения могло в итоге привести к принятию данного алфавита, также как позже был принят новый коми-пермяцкий алфавит на основе кириллицы.

Ключевые слова

коми-пермяки; СССР; национальная политика; латинизация; коренизация; коми-пермяцкий алфавит; этнодисперсные группы; Коми-Пермяцкий национальный округ

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

Реализация национальной политики в СССР в 1920-1930-е гг. включала радикальные реформы и масштабные эксперименты в различных сферах общественной жизни всех народов страны. Одним из ключевых направлений этой политики, безусловно, могут считаться мероприятия в области языковой политики, в том числе в рамках коренизации, подразумевающей унификацию графики и создание новых алфавитов. В 1923 г., выступая на заседании XII съезда РКП(б), Иосиф Сталин сказал: «Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт» (Сталин, 1947, с. 239). Резолюция XII съезда РКП(Б) по национальному вопросу рекомендовала коммунистам настойчиво добиваться того, чтобы:

> «…были созданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств» (Резолюция, 1923, с. 35).

После съезда по всей стране началась работа по созданию алфавитов для всех крупных народов РСФСР, имеющих свои автономии. Координацией работы занимался специально созданный для этого Комитет нового тюркского алфавита (АРАН, 1933, л.1), отделения которого открывались во всех областях и даже округах, где имелись районы компактного проживания разных национальностей. В результате для 89 народов СССР были созданы и унифицированы новые алфавиты, впервые письменность на родном языке получили более 50 народов страны (Чеботарева, 2008, с. 791). Работа по созданию новых алфавитов на первом этапе шла параллельно с процессами латинизации, предусматривавшей не только создание алфавитов на латинской основе, но и перевод некоторых уже существующих на латинскую графику. Переход на латинский алфавит символизировал наступление новой эпохи и разрыв со старыми традициями (Мартин, 2011, с. 258). Однако уже в 1938-1940 гг. латинские алфавиты были заменены кириллическими, многие из которых используются по сей день (Сайфутди-

нова, Менеш & Шаронова, 2015, сс. 317-319; Судьбы, 1994). Таким образом, многие народы РСФСР в течение 1920-1930-х гг. дважды переживали смену письменности.

Политика в сфере языка в СССР неоднократно становилась предметом изучения. Как правило, она получает неоднозначные оценки как от отечественных, так и от зарубежных исследователей. В советской историографии подчеркивалась большая работа, проделанная государством для создания алфавитов бесписьменных языков, а также для поддержки преподавания на этих языках. Это считалось одним из главных достижений национальной политики СССР (Дешериев & Протченко, 1970; Исаев, 1970, 1979). Современные ученые М. Н. Губогло и Ф. Г. Сафин в книге «Принудительный лингвицизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е гг.», напротив, пришли к выводу, что «языковое строительство обернулось не расцветом и развитием национальных языков и культур, а их последующим удушением» (Губогло & Сафин 2009, сс. 298-299). Со своей стороны, финский исследователь С. Лаллукка отмечает: «Тот факт, что образование предоставлялось на родном языке, сам по себе являлся свидетельством готовности советской власти сохранять определенное этнолингвистическое разнообразие в стране» (2010, с. 207). Похожей точки зрения придерживается и эстонский историк Х. Яатс, полагающий, что для небольших этнических групп статус автономии в советском государстве является вопросом «сохранения культурного и языкового разнообразия» (Jääts I., 2014). Сложность и противоречивость советской политики в сфере языка наиболее объективно, на наш взгляд, отражена в работе С. В. Чешко:

> «С одной стороны, государство прилагало большие усилия и тратило значительные средства на создание письменности для ранее бесписьменных языков, издания учебников, книг, периодических изданий на нерусских языках. С другой стороны, оно предпринимало действия, которые, можно сказать, искусственно способствовали углублению дифференциации социальной роли языков, предоставлению некоторым из них определенных преимуществ» (2000, с. 166).

Латинизация – одно из самых неоднозначных и дискутируемых решений советского руководства в языковой политике 1930-х гг. И если тюркские народы в целом были готовы переходить на латинскую графику, а в отношении славянских народов этот процесс был прекращен в конце 1920-х гг., то у финно-угорских народов внедрение латиницы происходило наиболее сложно. Американский советолог Тэрри Мартин подчёркивает, что «апогеем кампании по латинизации

явилась попытка перевести с кириллицы на латиницу финно-угорские и чувашский языки» (2011, с. 282). Латинизация языков финно-угорских народов, таким образом, представляется наиболее интересным, а с другой стороны наименее изученным процессом языковой политики в СССР 1930-х гг. (История Коми с древнейших времен, 2011).

В рамках данной статьи будут рассмотрены процессы внедрения латинского алфавита в Коми-Пермяцком национальном округе в начале 1930-х гг. В историографии латинизация коми-пермяцкого языка представлена лишь фрагментарно, в рамках обобщающих исследований. Специалист по истории коми-пермяков А.Е. Коньшин вообще называет период 1931-37 гг. назвал «темным пятном» в истории коми-пермяцкого языка (2013, с. 254). Изучение латинизации коми-пермяцкого языка актуализируется и фактом обнаружения в наши дни новых источников в Архиве РАН (АРАН) в 2019 гг., в частности, труда Г. Нечаева «Латинизация у коми-пермяков» 1933 г. (Киселев, 2020). Большую ценность для исследования представляют и не публиковавшиеся ранее фонды Коми-Пермяцкого государственного окружного архива и Пермского государственного архива социально-политической истории. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК: СТАНОВЛЕНИЕ АЛФАВИТА

Необходимо отметить, что до установления советской власти у народов коми уже существовали отдельные словари (например, вышедший в 1869 гг. «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н. А. Рогова), создавались учебники и переводы на основе русской графики (Черных, 2007, с. 81). С 1918 г. начал внедряться алфавит, разработанный на базе кириллицы для народов коми А. В. Молодцовым (Баталова, 1993, с. 229), известный как «молодцовский алфавит». Его внедрение существенно осложнялось критикой и дискуссиями в учительской среде (Пунегова, 2014, с. 148). После создания Коми-Пермяцкого национального округа в 1925 г. при окружной инспекции народного образования была организована специальная Литературно-Издательская коллегия, где сконцентрировалась издательская работа. За первые два года коллегией выпущено 14 изданий, объемом около 40 печатных листов и тиражом 47 тыс. экз., (из них учебной литературы 34 печатных листа). В этот период вся

литература у коми-пермяков и коми-зырян издавалась с использованием молодцовского шрифта (2013, сс. 42-44).

Наиболее интенсивно работа по переходу на латинский алфавит пришлась на начало 1930-х гг. Коми-Пермяцкий национальный округ в этот период входил в состав Уральской области, где работой по латинизации занимался созданный при президиуме Уральского облисполкома Комитет нового алфавита. В своих письмах в районы области комитет, например, указывал, что переход со старых национал-буржуазных и религиозных алфавитов на «новый интернациональный латинизированный алфавит» является одним из показателей «культурного подъема национальностей и включения их в общее русло социалистического строительства» (КПОГА, 1936, л. 135). После решения о латинизации всех языков финно-угорских народов решением Коми-Пермяцкого окрисполкома от 26 июля 1930 г. был утвержден «План перевода на коми письменность делопроизводства сельсоветов, судебно-следственных, административных, хозяйственных, земельных и кооперативных органов» во всех районах КПО, за исключением Юрлинского, где большей частью населения были русские. Работу планировалось завершить к 1 января 1932 г..

ЛАТИНИЗАЦИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

В октябре 1930 г. решение о латинизации коми-алфавита было поддержано на Съезде культурных сил округа (АРАН, 1933, л. 5). Однако за полтора года не было сделано ничего: 2-3 ноября 1931 г. Коми-Пермяцкий окрисполком принял похожее постановление о мероприятиях по переводу низового советского аппарата на коми-письменность. В документе, в частности, сообщалось о мероприятиях по началу «технического руководства хода подготовки перевода организаций округа на коми-письменность». Постановление подтверждало ранее установленные сроки о переводе письменности (к 1 января 1932 г., т.е. за полтора месяца с момента заседания) и обязывал местные органы власти создать комиссии по переводу алфавита при всех райисполкомах округа. Все крупные организации были обязаны направить в комиссию образцы новых бланков на новом алфавите, а ОкрОНО и райисполкомы «провести во всех районах… курсы по подготовке работников сельсоветов РИКов, потребительских и других хозяйственных организаций к переходу на коми-письменность», а также «оживить работу кружков по ликвидации коми-неграмотности во всех райцентрах и сельсоветах» (КПОГА, 1936, л. 1-1 об). С января 1932 г. начала выходить газета «Велэтчан газета» («Учебная

газета») на латинизированном алфавите, которая «давала методические указания и уроки обучения новому алфавиту» (АРАН, 1933. л. 5). Однако за установленный короткий срок перевод всего делопроизводства на другой алфавит стал невозможен, что подтверждает дальнейшее развитие событий.

В постановлении Коми-Пермяцкого окрисполома от 2 марта 1932 г. «О ходе подготовительных мероприятий к переходу на новый алфавит» вина за отсутствие результатов была возложена на райисполкомы и сельсоветы, которыми «до сих пор не обращено достаточно внимания на проведение работы среди трудящихся округа по внедрению нового алфавита». 29 марта 1932 г. окружным комитетом партии принято постановление № 2106 «О коренизации аппарата национальных районов и советов», в котором сообщалось, что Коми-Пермяцкий окрисполком не выполнил директив о полном переводе на родной язык делопроизводства. Документ обозначал новый срок: к 1 июня 1933 г. закончить коренизацию аппарата и перевод делопроизводства, а к 1 января 1933 г. – полностью закончить переход на латинизированный алфавит (КПОГА, 1934, л. 31). В качестве мер для «решительного перелома» предполагалось создать сельские отделения комитета нового алфавита при каждом сельсовете, а также начать пропагандистскую работу через «Велэтчан газету», выпуская не реже 1 раза в месяц по 2000 экземпляров, а с 1 апреля по 1 мая 1932 г. – провести Месячник латинизации алфавита. В сфере образования предлагалось проводить уроки в школах 1 ступени по изучению нового алфавита, а с сентября 1932 г. полностью перейти на новый алфавит в системе образования округа (КПОГА, 1934, л. 34-34 об., 35).

По инициативе Уралобкома 3 апреля 1932 г. была проведена «окружная конференция угро-финских национальностей», приуроченная к 7-летию создания округа. На конференции, в частности, обсуждались предварительные итоги введения нового алфавита и утвержден план введения нового алфавита на 1932 г. (КПОГА, 1934, л. 3). По итогам конференции 23 апреля 1932 г. облисполком направил в Коми-Пермяцкий окрсовет «Положение практического введения делопроизводства в национальных советах на их родном языке». Этот документ планировалось обсудить к 15 мая и направить свои предложения с отчетом о проделанной работе. В Положении, в частности, говорилось, что организации округа должны вести переписку между собой «исключительно на коми-пермяцком языке» (КПОГА, 1934, л. 16-17). Этот документ также косвенно свидетельствует,

что к середине 1932 г. мероприятий по переводу делопроизводства еще не проводилось.

В 1932 г. коренного перелома вновь не произошло: даже вся дальнейшая переписка о мероприятиях по переходу на новый алфавит после истечения установленного срока велась на русском языке. Во всем делопроизводстве по данному вопросу в архивах Коми-Пермяцкого округа отложился только 1 документ на новом алфавите: написанное от руки постановление окрисполкома от 14 марта 1932 г. о переводе делопроизводства на латинизированный алфавит (КПОГА, 1934, л. 37). Также сохранилось несколько протоколов заседаний комитета на коми-пермяцком и русском языках.

На очередном совещании руководителей окружных организаций при Президиуме Коми-Пермяцкого окрисполкома по вопросам коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность, состоявшемся 23 апреля 1933 г., было признано «отсутствие сдвига в вопросах коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность учреждений и организаций Окрцентра». Совещание вновь приняло решение о мерах для «решительного перелома», среди которых, в частности, была поставлена задача для всех руководящих работников округа ликвидировать «коми-неграмотность и малограмотность» в 1 месяц, а также создать комиссию для руководства за ходом коми-неграмотности и проведения проверки» (КПОГА, 1936, л. 85). Отдельным пунктом вводилось обязательство по переобучению для русских работников из руководящего состава. Был составлен подробный план по всем учреждениям с указанием количества человек, которых нужно заменить или переобучить. План работы был принят на 1933 год по направлениям оргработы, образования и издательской деятельности со сметой в 117 000 рублей, из которых большую часть должен был предоставить Комитет нового алфавита (КПОГА, 1936, л. 84-100). Ко всем, не исполняющим данный план, предлагалось принимать «жесткие меры вплоть до снятия с работы» (КПОГА, 1936, л. 72). Контроль исполнения взял на себя лично председатель окружкома Я.М. Ярков. Очевидно, что в этот период отсутствие результатов очень волновало руководителей округа.

В течение 1933 г. в Коми-Пермяцком округе прошел ряд мероприятий, посвященных популяризации идей перехода на новый алфавит. 26 мая окрисполком проводил для всех районов «испытание комиграмотности», когда сотрудники государственных учреждений должны были явиться в здание окрика и пройти ряд заданий на знание коми-пермяцкого языка (КПОГА, 1936, л. 163-170). 25-27 июля 1933 г. в Кудым-

каре прошла орфографическая конференция по вопросам внедрения нового алфавита. В окружном архиве отложились рабочие документы конференции и резолюции. Участники конференции отметили, что перед Коми-Пермяцким округом стоит задача разработки нового корпуса терминологии, составления терминологических словарей, принятия общественно-политической терминологии, терминологии по грамматике, физике, математике, делопроизводству и сельскому хозяйству. Были заслушаны доклады «Общие принципы составления коми терминологии», «Литературный коми язык и орфография» и «Коми орфография» (КПОГА, 1936, л. 143).

Однако все принятые меры вновь не привели к нужным результатам. На состоявшемся 3 января 1934 г. совещании руководителей окружных отделов и организаций г. Кудымкара по вопросу перехода на коми письменность, комизации и коренизации аппарата было констатировано, что план коренизации аппарата ни одной организацией не выполнен, решение о ликвидации коми-неграмотности от 23 мая 1933 г. проигнорировано. В сложившейся ситуации совещание постановило объявить выговор ряду руководителей; обязать организации использовать имеющиеся печатные машинки с коми шрифтом с 8 января 1934 г.; оживить деятельность кружков по ликвидации коми-неграмотности; просить окрик выделить Коми день для занятий в декадном расписании и создать новую комиссию для контроля за завершением работ (КПОГА, 1936, л. 143). В принятых на совещании документах уже не было обозначено конкретных сроков, а риторика была менее жесткой.

В марте 1937 г. было проведено обследование 14 населенных пунктов с целью выяснения состояния грамотности населения в возрасте от 15 до 50 лет на латинизированном алфавите. На тот момент уровень грамотности не превышал 20%, при этом «большинство окружных, районных и сельских организаций продолжали вести делопроизводство на русском языке… совершенно не приступали к переходу на коми письменность заготовительные организации, земельные органы, органы связи, банковская система, сберкассы, леспромхозы, все профкомы» (ПермГАСПИ, 1937b, л. 7). К этому времени относится последнее поручение о переводе делопроизводства на латинизированный алфавит.

ИТОГИ ЛАТИНИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ

Неисполнение резолюций зависело и от слабой материальной базы. 3 января 1933 г. орготдел коми-пермяцкого окрика даже запра-

шивал в комитете по делам печати облисполкома дополнительно 50 тонн писчей бумаги «в связи с формированием делопроизводства учреждений и организаций округа на латинизированную коми-пермяцкую письменность» (КПОГА, 1936, л. 1). В апреле 1933 г. проводились курсы машинисток на «коми-машинках», при этом комитет мог позволить себе обучить только по одному человеку от каждого района, а на курсы специалисты должны были добираться сами (КПОГА, 1936, л. 75). Однако эти курсы не состоялись, так как вовремя не был составлен коми шрифт, а также возникли проблемы с финансированием: одна печатная машинка, изготовленная Татснабсбытом, стоила 5000 рублей. (КПОГА, 1936, л. 132). Кроме этого, стало известно, что средства, выделяемые на закупку печатных машин с национальными шрифтами, ушли на приобретение машин с русским шрифтом. Дело дошло до того, что в 1934 г. Комитет нового алфавита специальным решением запретил Татснаббыту заключать договоры на изготовление печатных машин с русским шрифтом, а местные организации получили отдельное письмо со строжайшим запретом заказывать печатные машинки с русским шрифтом для национальных республик (КПОГА, 1936, л. 209). Таким образом, переход на новый алфавит тормозился не только нежеланием местных органов власти, но и отсутствием материальной базы. Не возражая против идеи перехода на новый алфавит, ни власти округа, ни власти области не стремились выделять достаточные для продекларированного «коренного перелома» средства.

Внедрение латинизированного алфавита тормозилось и по причине в целом низкой грамотности населения округа. Вопрос об уровне распространения родного письменного языка среди коми-пермяков в конце 1920-х гг. остается весьма дискуссионным и требует дополнительных исследований. В материалах Всесоюзной переписи населения при отмеченном владении родным языком 26% процентами коми-пермяков, проживающих в округе, сведения в разделе «Грамотность на родном языке» у них отсутствуют (хотя есть у проживающих в округе зырян; см. Всесоюзная перепись, 1926, с. 117). Современник тех событий исследователь Г. Нечаев в 1932 г. также отмечал, что «большим тормозом в переводе на Коми-письменность является неграмотность на родном языке советского аппарата от окружных звеньев до сельских советов» (АРАН, 1933, л. 5). Вероятней всего, к концу 1920-х гг. лишь незначительная часть населения округа могла писать и читать на родном языке, ведь принятый в начале 1920-х гг. молодцовский алфавит только начинал полноценно внедряться.

Перевод всего делопроизводства на коми-пермяцкий язык, да еще и на новой латинской графике, означал для большинства государственных служащих полноценное изучение нового языка, а в ограниченный срок этого добиться было сложно. Между тем латинизация коснулась сферы образования. Если верить отчетам в облисполком, за время латинизации было выпущено 60 учебников, заложено национальное издательское дело, в школах за 1932-33 гг. обучено 5 тысяч учеников, а за 1933-34 – 8 тысяч (ПермГАСПИ, 1937b, л. 5).

Со второй половины 1930-х гг. советское правительство перешло к политике отказа от латинской графики и принятия новых алфавитов на кириллической основе. В постановлении Коми-Пермяцкого окружкома от 4 мая 1937 г. отмечено, что

> «новый латинизированный алфавит очень трудно осваивается трудящимися округа, несмотря на пятилетний срок его использования… считать необходимым установить алфавит коми-пермяцкого языка на русской основе» (ПермГАСПИ, 1937a, л.

В июне 1937 г. состоялась окружная языковая конференция, а 25 декабря 1937 г. Президиум Коми-Пермяцкого окрисполкома утвердил разработанный проект орфографии коми-пермяцкого языка (ПермГАСПИ, 1937a, л. 56). Интересно, что в отчете окрисполкома о развитии издательства в Коми-Пермяцком округе за 1938 г. уже говорится, что в 1931 г. коми-пермяцкому народу врагами народа был навязан совершенно чуждый, не отвечающий требованиям широких масс трудящихся латинизированный алфавит. И что «только с половины 1937 г. был решен вопрос о переходе на алфавит, основой которого является русская письменность» (КПОГА, 1936, л. 54). В 1938 г. писатели Н. Попов и А. В. Караваев в обращении к Союзу советских писателей уже конкретно обвиняли врагов народа во внедрении латинизированного алфавита и «просили помощи в организации издательства на новом алфавите, составленном на основе русской графики» (КПОГА, 1936, л. 14). В 1938 г. уже был принят новый алфавит на основе кириллицы, в связи с чем не удалось выполнить план издательства на 1938 г. Этот алфавит используется и сегодня (Черных, 2007, с. 81).

ВЫВОДЫ

Таким образом, на примере коми-пермяцкого языка видны основные процессы, связанные с латинизацией алфавитов советских народов. Именно у финно-угорских народов этот процесс проходил наиболее противоречиво и неоднозначно. Ярким примером может

служить и политика по внедрению латинской графики у коми-пермяков. Дискуссии о латинских алфавитах начались в конце 1920-х гг., однако пик практических мероприятий пришелся на 1932-1934 г.. Мероприятия носили не системный характер, предлагаемые сроки внедрения алфавита были априори не выполнимы.

Таким образом, внедрение нового латинизированного алфавита тормозилось целым рядом факторов. Во-первых, в округе к концу 1920-х гг. уже велась активная работа по внедрению молодцовского алфавита, появление новой графики на латинской основе не было воспринято интеллигенцией, ее внедрением занимались партийные органы. Немаловажным является и тот факт, что уже в 1920-е гг. руководящие органы использовали для общения преимущественно русский язык, и внедрение латинизации потребовало бы длительной и кропотливой работы, включающей в себя процесс переобучения и переподготовки учителей и руководящего состава. Необходимы были десятилетия, прежде чем латинизированный алфавит мог бы быть принят.

Кроме этого, несмотря на активную пропаганду мероприятий по комизации, они, как и вся национальная политика, не имели серьезной финансовой и материальной поддержки. Как свидетельствуют документы, окружной исполком мог только переиздавать положения о переводе алфавита, требуя от органов власти очередного «решительного перелома», но при этом не был способен даже технически обеспечить условия для него. Обращая на этой внимание, С. Лаллукка признает, что «задача практического внедрения родного языка в делопроизводство оказалась непосильной» (Лаллукка, 2011, с. 207). Тем не менее, процессы латинизации были начаты, определенные меры в сфере издательства и образования были предприняты. Безусловно, продолжение политики латинизации в итоге привело бы к формированию нового письменного языка, так же, как и возможный отказ от русской графики не позволил бы оформиться современному письменному коми-пермяцкому языку.

Попытка внедрения латинизации и последующий радикальный отказ от всех начинаний во многом характеризуют не только неоднозначность политики СССР не только в сфере языка, но и в целом противоречивость национальной политики этого периода.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного много-

образия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, проект «Национальные округа в системе российского федерализма конца XX – начала XXI вв.» (НИОКТР АААА-А20-120 101 300 078-3).

Список литературы

Jääts, I. (2012). "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s. *Nationalities Papers*, *40*(2), 241–257. doi: 10.1080/00 905 992.2011.652607

Архив Российской академии наук (АРАН). (1933). *Ф. 676. Д. 1239.*

Баталова, Р. М. (1993). Коми-пермяцкий язык. В *Языки мира: Уральские языки* (сс. 229-239). Москва: Наука.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. (1928). Москва: Издание ЦСУ СССР.

Губогло, М. Н., & Сафин, Ф. Г. (2000). *Принудительный лингвицизм: Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е годы.* Москва: ЦИМО.

Дешериев, Ю. Д., & Протченко, И. Ф. (1968). *Развитие языков народов СССР в советскую эпоху.* Москва: Просвещение.

Исаев, М. И. (1970). *Сто тридцать равноправных: О языках народов СССР.* Москва: Наука.

Исаев, М. И. (1979). *Языковое строительство в СССР: Процессы создания письменностей народов СССР.* Москва: Наука.

История Коми с древнейших времен до современности (Т. 2). (2011). Сыктывкар: ООО «Анбур».

Киселев, М. Ю. (2020). Латинизация алфавита у коми-пермяков Уральской области в исследовании Г. Нечаева. *Вестник УдГУ. Серия История и филология*, *30*(6), 988–992. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-988-992

Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (КПОГА). (1934). *Ф. Р. 20. Д. 232.*

Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (КПОГА). (1936). *Ф. Р. 20. Д. 294.*

Коньшин, А. Е. (2013). *История и культура коми-пермяцкого народа. Часть II.* Пермь: ООО «Форвард С».

Лаллукка, С. (2010). *Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ.* Санкт-Петербург: Европейский Дом.

Мартин, Т. (2011). *Империя «положительной деятельности» Нации и национализм в СССР, 1929-1939.* Москва: РОССПЭН.

ПермГАСПИ. (1937а). *Ф. 200. Оп. 1. Д. 654.*

ПермГАСПИ. (1937b). *Ф. 200. Оп. 1. Д. 919.*

Пунегова, Г. В. (2014). Графическая система национального алфавита: Из истории коми графики. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (10–2), 148-150.

Резолюция по национальному вопросу. (1923). В *Резолюции XII Съезда РКП(б)* (сс. 33-40). Тюмень.

Сайфутдинова, Г. Б., Менеш, А. Б., & Шаронова, А. А. (2015). Особенности трансформации алфавита в СССР (на материалах Республики Татарстан). *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, (1–1), 317–319.

Сталин, И. В. (1947). Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. В И. В. Сталин, *Сочинения. Том 5.* (сс. 237–263). Москва.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: Из истории национально-государственного строительства, 1822-1941 гг. Сборник документов. (1994). Тюмень: Управление по делам архивов администрации Тюменской области.

Чеботарева, В. Г. (2008). *Национальная политика Российской Федерации, 1925-1938 гг.* Москва: Государственное учреждение «Московский дом национальностей».

Черных, А. В. (2007). *Народы Пермского края. История и этнография.* Пермь: Пушка.

Чешко, С. В. (2000). *Распад СССР: Этнополитический анализ.* Москва: ИЭА РАН.

References

All-Union census of the population of 1926. Volume 4: Vyatka District, Ural Region, Bashkir ASSR. Section 1: Folkness. Native language. Age. Literacy. (1928). Moscow: Edition of the Central Statistical Bureau of the USSR. (In Russian).

Archive of the Russian Academy of Sciences (RAAS). (1933). *F. 676. C. 1239.* (In Russian).

Batalova, R. M. (1993). The Komi-Permian language. In *Languages of the World: Uralic Languages* (pp. 229–239). Moscow: Nauka. (In Russian).

Chebotareva, V. G. (2008). *National Policy of the Russian Federation, 1925-1938.* Moscow: Moscow House of Nationalities. (In Russian).

Chernykh, A. V. (2007). *Peoples of the Perm Territory. History and Ethnography.* Perm: Pushka. (In Russian).

Cheshko, S. V. (2000). *The Collapse of the USSR: An Ethnopolitical Analysis.* Moscow: IEA RAS. (In Russian).

Desheriev, Y. D., & Protchenko, I. F. (1968). *The Development of Languages of the Peoples of the USSR in the Soviet Era.* Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).

Guboglo, M. N., & Safin, F. G. (2000). *Forced Linguistics: Sociolinguistic Essays on the Ethnopolitical Situation in the USSR in the 1920s and 1930s.* Moscow: CIMO. (In Russian).

History of the Komi from ancient times to the present (Vol. 2). (2011). Syktyvkar: LLC Anbur. (In Russian).

Isaev, M. I. (1970). *One Hundred and Thirty Equal: On the Languages of the Peoples of the USSR*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Isaev, M. I. (1979). *Language Building in the USSR: Processes for the Creation of Writings of the Peoples of the USSR*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Jääts, I. (2012). "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s. *Nationalities Papers*, *40*(2), 241–257. doi: 10.1080/00 905 992.2011.652607

Kiselev, M. Yu. (2020). Latinization of the alphabet among the Komi-Permians of the Urals region in the study of G. Nechaev. *Bulletin of the UdSU. History and Philology Series*, *30*(6), 988–992. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-988-992 (In Russian).

Komi-Permyak District State Archives (KPDSA). (1934). *F. R. 20. C. 232.* (In Russian).

Komi-Permyak District State Archives (KPDSA). (1936). *F. R. 20. C. 294.* (In Russian).

Konshin, A. E. (2013). *History and Culture of the Permian Komi People. Part II*. Perm: LLC Forward S. (In Russian).

Lallukka, S. (2010). *Komi-Permyaks and the Komi-Permyak District*. St. Petersburg: European House. (In Russian).

Martin, T. (2011). *The Empire of 'Positive Activity'. The Nation and Nationalism in the USSR, 1929-1939*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

PermGASPI. (1937a). *F. 200. In. 1. C. 654.* (In Russian).

PermGASPI. (1937b). F. *200. In. 1. C. 919.* (In Russian).

Punegova, G. V. (2014). The Graphic System of the National Alphabet: From the History of Komi Graphics. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (10-2), 148-150. (In Russian).

Resolution on the National Question. (1923). In *Resolutions of the 12th Congress of the RCP(b)* (pp. 33–40). Tyumen. (In Russian).

Sayfutdinova, G. B., Menesh, A. B., & Sharonova, A. A. (2015). Peculiarities of the transformation of the alphabet in the USSR (on the materials of the Republic of Tatarstan). *Actual problems of humanities and natural sciences*, (1–1), 317–319. (In Russian).

Stalin, I. V. (1947). Concluding remarks on the report on national moments in the party and state building at the 12th Congress of the RCP(b) on April 25, 1923. In I. V. Stalin, *Works. Volume 5.* (pp. 237–263). Moscow. (In Russian).

The Fates of the Peoples of the Ob-Irtysh North: From the History of National and State Construction, 1822-1941. Collection of documents. (1994). Tyumen: Department of Archives of the Tyumen Oblast Administration. (In Russian).